

Глава 8. Испытание

«Особые наставления?» — Гу Наньчжао едва сдержал усмешку.

Неужели этот человек собрался учить его уму-разуму? Какая самонадеянность. И дело было вовсе не в гордыне: во всем нынешнем мире совершенствующихся попросту не существовало того, кто был бы достоин стать его учителем.

Из раздумий его вырвал голос Цзинь Ханя:

— Не отвлекайся.

В ту же секунду в него что-то полетело. Гу Наньчжао инстинктивно вскинул руку и поймал снаряд на лету. На ладони лежал мелкий камешек — бог знает, когда Цзинь Хань успел подобрать его с земли.

Не дав юноше разозлиться, Цзинь Хань добавил:

— Покажу лишь раз. Смотри внимательно.

Гу Наньчжао скептически сжал гальку в кулаке, однако уже через мгновение замер, не в силах отвести взгляда от наставника. Цзинь Хань стоял под раскачивающимся бумажным фонарем. Его белые одежды впитывали мягкое янтарное свечение, которое сглаживало резкие тени и придавало лицу мужчины обманчиво нежное выражение.

Цзинь Хань не задействовал духовную энергию, показывая исключительно пластику движений. Но именно они и приковали к себе внимание Гу Наньчжао. Этот стиль не принадлежал ни Секте Ясной Луны, ни какому-либо другому известному ему ордену. Внешне простые, почти небрежные взмахи таили в себе неопишемую, выверенную до миллиметра точность. Даже он, который в прошлой жизни стоял на самой вершине этого мира, вынужден был признать: техника безупречна. С одной лишь этой техникой Цзинь Хань мог бы занять достойное место среди бессмертных сект уже через десять лет.

Юноша нахмурился. Цзинь Хань — всего лишь скромный старейшина Секты Ясной Луны, откуда у него доступ к столь выдающемуся искусству? Судя по абсолютной легкости каждого выпада, он не просто заучил связки, а постиг саму суть стиля. Учитывая весьма посредственные способности прежнего Цзинь Ханя, подобный триумф в его годы казался чудом. Нет, это было решительно невозможно — и все же происходило прямо сейчас, на его глазах.

Не давал покоя и другой вопрос: если у Цзинь Ханя в руках было столь грозное оружие, зачем ему понадобилось ступать на скользкий путь темных искусств? Неужели он сам не понимал ценности своего наследия? Исключено. Цзинь Хань слишком хитер и проницателен, чтобы

упустить очевидное. Но раз так, зачем рисковать головой и тайно якшаться с Сектой Демонов?

Гу Наньчжао всматривался в силуэт мужчины, окутанный ночной прохладой. В нём крепло мрачное недоверие — старые подозрения, которые он до поры заставлял себя игнорировать, вновь всплыли на поверхность. Внезапная перемена характера после их недавней встречи, а теперь еще и эта загадочная техника...

«Действительно ли предо мной стоит Цзинь Хань?»

Цзинь Хань, не подозревая о буре в чужой душе, плавно закончил связку движений и опустил руки.

— Запомнил? — негромко спросил он, тепло улыбнувшись.

Гу Наньчжао вздрогнул, возвращаясь к реальности, и опустил взгляд на ладонь. Оказалось, в задумчивости он раскрошил зажатый камешек в мелкую серую пыль.

Не дожидаясь ответа, Цзинь Хань резко рванулся вперед, обозначая выпад.

Гу Наньчжао мгновенно сбросил с плеча узел с вещами. Обнажать клинок он не стал — просто вскинул руки, встречая атаку. К удивлению наставника, юноша защищался теми самыми приемами, которые только что увидел.

Цзинь Хань удивленно приподнял бровь и на ходу сменил стойку, по-прежнему не прибегая к магии.

Они обменялись десятком быстрых, глухих ударов. Цзинь Хань сохранял внешнее бесстрашие, но в душе искренне поражался: этот парень действительно заслуживал звания прирожденного гения. Схватить суть сложнейшей техники с одного взгляда, да еще и приспособить ее на ходу к меняющейся защите! Не разделяй их смертельная вражда, он без колебаний сделал бы его своим преемником. Увы, их судьбы были предрешены.

Спрятав невольное восхищение глубоко в душе, Цзинь Хань разорвал дистанцию и опустил руки:

— На сегодня достаточно. До начала отбора еще есть время, практикуйся.

Вокруг не было ни души, однако Цзинь Хань продолжал безупречно играть роль заботливого наставника. Погруженный в собственные безрадостные думы, Гу Наньчжао не стал спорить и лишь молча кивнул в знак согласия.

Они вернулись на постоянный двор.

Наутро они подали прошение на участие, а еще через несколько дней Секта Небесной Тени объявила об открытии Великого собрания по отбору. Состязания делились на две категории: в первой силами мерились свободные практики и неофиты, во второй — молодые адепты, присланные на обучение из других орденов. Места распределялись строго: лишь лучшие из лучших получали право войти в ворота Секты Небесной Тени.

На дворе стояла глухая зима. За пределами ордена земля была скована ледяным оцепенением, но на священной территории Секты Небесной Тени всюду благоухали сады, а в кронах вечнозеленых деревьев заливисто щебетали птицы.

Пары соперников определялись жеребьевкой: адепты с одинаковыми номерами сходились в поединке один за другим. Гу Наньчжао то ли удача улыбнулась, то ли наоборот — ему досталась единица. Ему предстояло открыть турнир.

Цзинь Хань затерялся в толпе зрителей, наблюдая за юношей на помосте. Облаченный в лазурные одежды, с изящным мечом на поясе, Гу Наньчжао в лучах утреннего солнца казался сошедшим со свитка небожителем. Стоявшие неподалеку молодые заклинательницы то и дело бросали на него смущенные взгляды и прикрывали лица рукавами.

Цзинь Хань мысленно хмыкнул: «А парень-то пользуется успехом».

Словно почувствовав чужой взгляд, Гу Наньчжао обернулся и безошибочно отыскал Цзинь Ханя в толпе. Тот приветливо сощурился, собираясь улыбнуться, но юноша с ледяным равнодушием отвернулся еще до того, как наставник успел дружелюбно улыбнуться.

«Какая холодность», — подумал Цзинь Хань и небрежно пожал плечами.

Толпа замерла в предвкушении. Первый поединок турнира всегда задавал тон всему состязанию. Противником Гу Наньчжао оказался адепт из Врат Празднования Дали. И пусть эта школа уступала в величии Секте Ясной Луны или Секте Небесной Тени, тамошняя суровая дисциплина славилась по всему поднебесному миру, а ее воспитанники отличались крепкой боевой подготовкой.

Напротив Гу Наньчжао стоял рослый юноша лет двадцати. Окинув соперника взглядом и заметив его бледность и мнимую слабость, боец ухмыльнулся и громко, на весь плац, заявил, что уложит этого доходягу за три удара.

Гу Наньчжао даже бровью не повел на эту похвальбу — лишь молча поманил соперника пальцем.

Подобное пренебрежение задело наглеца за живое. Взревев от ярости, он выхватил из-за

спины широкое дао и ринулся вперед. Гу Наньчжао едва заметно сместился в сторону, пропуская лезвие мимо себя. Секундное движение — и он мертвой хваткой схватил противника за плечо и нанес сокрушительный удар в грудь. Не успел заносчивый адепт сообразить, что произошло, как вылетел за пределы помоста и с глухим стуком покатился по пыльной земле.

Поверженный боец вскочил на ноги и попытался снова прорваться к арене, чтобы поквитаться, но судьи быстро пресекли нарушение.

Распорядитель состязаний зычно объявил:

— Победитель — Юань Е из Секты Ясной Луны!

Лишь когда Гу Наньчжао спокойно сошел с помоста, толпа наконец опомнилась. По арене прокатился изумленный гул.

«И это все? Поединок завершился, толком не начавшись?!»

Цзинь Хань шагнул навстречу ученику и одобрительно улыбнулся:

— Блестящая победа. Ты не разочаровал своего наставника.

На сей раз похвала была абсолютно искренней. Под бдительным надзором старейшин Гу Наньчжао не мог прибегнуть к запретным артефактам или помощи извне — ему приходилось полагаться исключительно на собственное тело и мастерство. Даже лишенный духовного корня, он играючи одолел соперника, обладавшего запасом духовных сил. Цзинь Хань не сомневался в исходе боя, но столь стремительная и чистая победа превзошла все ожидания.

Снаружи старейшина так и сиял отцовской гордостью, однако внутри него ледяной петлей затягивалась непреклонная решимость уничтожить этого юношу.

«Если он сумеет исцелить свой духовный корень, — мрачно подумал Цзинь Хань, — мне несдобровать».

Вокруг толпились зеваки, и Гу Наньчжао сделал вид, что не заметил мимолетную вспышку убийственной решимости в глазах наставника. Он кротко и почтительно улыбнулся:

— Лишь благодаря вашим наставлениям, учитель.